

ГЛАВА I

Матвей. 10 августа 2035, ночь с четверга на пятницу

Матвей смотрел в окно и не верил своим глазам: грозовые тучи фантастического ярко-фиолетового цвета выворачивало таким мощным ливнем, что казалось — кто-то стоит снаружи и поливает стекла из шланга. Поросший бурьяном пустырь раскинулся до горизонта там, где вчера стояли новостройки элитного жилого комплекса. Темноту за окном озаряли неестественно частые вспышки молний. Как стробоскоп на той дискотеке, на которой Матвей упивался коктейлями и целовался с Настей еще несколько часов назад.

По пустырю то плавно летал, то начинал метаться десяток шаровых молний, переливающихся лиловым, разнося по округе глухое жужжание, словно гигантские пчелы.

Матвей обернулся — секунду назад он стоял в своей комнате, а теперь это была какая-то халупа с мусором на полу и клочьями пыльной паутины по углам. Темнота. Звуки радио. Запах табака, пота и мочи. Другая мебель, а стены как будто сузились. Куда-то подевалась роскошная кровать, на которой только что лежала обнаженная, уснувшая в алкогольном экстазе Настя. На этом месте стояла не то койка, не то раскладушка. На ней притаилось маленькое существо, забившееся

в самый угол, в тень от иссохшего старого шкафа. Молниевый стробоскоп высветил худенькую девочку лет шести в замызганном платье. Она сидела, уткнув лицо в колени, плечи ее дрожали.

«Не оставляй меня здесь!» — донеслось из угла. Голос шепелявый и слишком низкий для ребенка, словно надтреснутый, сорвавшийся от недавней истерики.

«Не стоило бухать под антидепрессантами», — подумал Матвей. Он медленными шагами подошел к девочке. Она подняла голову, и на молодого человека уставились две пустых глазницы. Зияющие дыры на красивом детском лице, исчерченном дорожками слез; сальный локон серого цвета ниспадал куда-то вглубь черепа...

Матвей проснулся с немим криком. В своей кровати, в своей комнате. Он кричал и кричал от страха, но наружу не вырывалось ни звука. По-прежнему слышалось лишь посапывание Насти и тиканье часов. И сердце грохотало так, словно Ларс Ульрих молотит соло.

Сонный паралич — оставалось только лежать и стрелять глазами по темной комнате.

«Я не боюсь тебя, чертик, возьми меня с собой. Где ты там живешь. В аду?» — вдруг сказал шепелявый девчачий голос откуда-то сбоку почти в самое ухо.

Настя, не просыпаясь, подалась на Матвея, навалилась, рассыпав по его лицу свою ярко-рыжую гриву. Сонный паралич отпустил, голос из сна уполз в зазеркалье, и Матвей наконец-то смог проснуться. Собственный крик еще жил в голове. Хорошо, что никто не услышал.

Время было уже предрассветное. Сон и паралич так напугали Матвея, что было ясно — заснуть снова не получится.

Он побрел в ванную. Душ. Холодный. Горячий. Холодный. Мощный, как те струи дождя из сна.

Потом ядреный пуэр. Дорогой, из чайного бутика, но все равно воняет водорослями, как дешевый. Тяжелая пивная кружка чайной нефти, чтобы не умирать от сонливости сегодня в Редакции. Уже с утра было намечено несколько встреч, дню предстояло быть длинным и тяжелым. А с учетом непростой ночи, тревожного сна и раннего пробуждения — поистине невыносимым и тягучим, как слюна алкоголика.

Хорошо хоть, что сегодня пятница.

Когда Матвей сидел на кухне с кружкой чая и книжечкой Несбё, окно распахнуло ветром и на пол полился поток воды — на улице грохнуло так, что отозвалось в кишках. Гроза! Кое-как справившись с оконной рамой и отгородив ею пространство между домашним уютом и ошалевшей стихией, Матвей увидел небо за окном. Оно было затянуто ярко-фиолетовыми тучами. Неприятный холодок прошел по телу: страшный сон словно опять вползал в реальность, и от этого становилось не по себе.

Матвей. 10 августа 2035, пятница

Девять тридцать четыре. Уже надо бежать.

До Редакции от дома пятнадцать минут через парк. Гроза и правда показала свою мощь — по-

всюду большие лужи, разметана листва по асфальту. Вырваны деревья. И десятки мертвых наблюдательных дронов — никакая металлическая защита не уберегла их от ночного шквального ветра. Они валялись в лужах или торчали в кронах деревьев, как елочные игрушки.

Матвей поежился.

Пару лет назад, после того как Партия Равенства ввела контроль за улицами при помощи мелких квадрокоптеров с камерами, преступность в районе снизилась еще на четырнадцать процентов. Матвей тогда работал простым журналистом и писал об этом. Прежнее глобальное видеонаблюдение, которое после принятия Закона о Прозрачности облепило городские стены, забралось в подъезды, каталось целый день в общественном транспорте, не обеспечивало должного уровня безопасности, сколько бы камер ни включало, хоть десятки тысяч. Люди жили небогато и не брезговали разбоем. Психопаты буднично резали и насиловали по темным углам. Горожане быстро сообразили, что у всех камер есть слепые зоны. Что камеры можно закрасивать, разбивать, завешивать. Что лица можно скрывать под капюшонами. Поэтому каждый десяток обычных камер снижал количество преступлений на ничтожные доли процента.

Дроны же были динамичны и неуловимы. Управляемые искусственным интеллектом, они формировали разум улья и активно обменивались данными о траекториях полета, чтобы транслировать бесшовную картинку всех улиц. Их нельзя было просто так сломать: они резко поднимались вверх в любой непонятной ситуации,

а вокруг тут же собирался целый рой «рассерженных» квадрокоптеров. Ни одному жулику уже было не скрыться — дроны преследовали до тех пор, пока его не пеленал отряд ППС. Минут через десять этот неудачник сидел в обезьяннике с выкрученным в ноль социальным рейтингом. А без рейтинга жизнь его фактически обесценивалась.

Матвея раньше избивали на улице, поэтому вид рассыпанных по лужам дронов сигнализировал о потенциальной опасности: кто знает, во что мог превратиться чистый город добрых людей, даже на несколько часов пропавший из поля зрения правопорядка? Матвей смотрел на поверженные стихией дроны и чувствовал себя обнаженным.

Но время не терпело. К счастью, до работы удалось добраться без опоздания и приключений.

ГЛАВА 2

Десять лет назад из-за цепочки экономических кризисов разница между богатыми и бедными стала катастрофической. Повсюду начались погромы. Потом обедневшие обыватели, поняв бесполезность выступлений против власти, обратили свои кулаки против сограждан. Страну захлестнула волна криминала. Даже вылазка в продуктовый представляла собой настоящий рейд, в который лучше было собрать несколько надежных мужчин из числа соседей и выдвигаться за покупками вместе.

Партия Равенства образовалась стихийно и возникла будто из ниоткуда. Не как фаланга радикалов, не как полноценная официальная партия, не как революционный комитет. Прежняя власть как-то незаметно разбежалась по зарубежью, а оппозиции сроду не водилось; по сути, возглавить страну могла любая организованная сила, вот только смысла в этом никто не видел — поживиться было нечем. Партия Равенства беспрепятственно вползла в Совет Федерации и Госдуму и начала сыпать реформами и законами. То, что за границей делали только в качестве эксперимента, то, что какое-то время жило в странном Китае, то, о чем писали фантасты, теперь становилось действительностью, оглашаемой дикторами правительственного телевидения.

Партия пролоббировала социальный рейтинг и цифровой паспорт. Блокчейн¹, цифровой рубль, принудительный сбор биометрии. Все эти замысловатые слова значили одно — теперь у каждого гражданина будет индивидуальное количество баллов, которое определит его жизнь. В бюро кредитных историй и банковских системах быстро нашелся ответ, сколько кому баллов назначить. Система кредитных конвейеров уже давно умела оценивать благонадежность людей по их образованию, опыту работы, заработку, семейному положению и наличию задолженностей. Оставалось немного подкрутить коэффициенты, смешать их с данными судов, приставов, нотариусов — и вуаля, каждый получил свою циферку, которая обозначала, будет ли человек пользоваться общественным транспортом, будут ли ему продавать алкоголь, давать кредиты. Примут ли его в больнице, зачислят ли в учебное заведение, зарегистрируют ли брак. Будет ли он вообще на свободе.

Сначала казалось, что подобные выкрутасы еще сильнее обозлят людей. Но это подействовало как звонкая пощечина истерящей женщине — граждане вдруг остановились в своем запале и растерянно посмотрели вокруг. Потом на свои баллы. Потом в свой электронный кошелек — в недоумении.

---

¹ Блокчейн — децентрализованная технология хранения данных на основе криптографии. В прикладном смысле позволяет сохранять любые данные, например персональные, идентификационные, финансовые, геолокационные. Их нельзя изменять и удалять, подделывать. Это обеспечивает прозрачность их учета и отслеживания.

Партия Равенства воспользовалась затишьем и залатала раны пылающей и уставшей страны пониженной ставкой по кредитам, единовременными выплатами, гуманитарной помощью, налоговыми льготами.

На короткое время, как дым от пожара, появились на русской земле правозащитные организации из Европы. Самые разнообразные, они разнюхивали и пытались понять суть социального рейтинга, листали свои нормативно-правовые акты о личных свободах, связывались с юристами из Партии Равенства. Нашли горячую поддержку в лице озабоченных своей неприкасаемостью и интимностью местных граждан. Не всем нравилась новая система, кто-то видел в ней ограничения.

Но и тут у партийцев нашелся аргумент. Все люди уже десятки лет жили в Интернете, пользовались электронными сервисами и приложениями. Ставили галочки и цифровые подписи куда попало, не глядя вбивали коды эсэмэсок в какие-то окошки, подмахивали бумажки. Даже у самой дремучей старушки в век информационных технологий да нашлось какое-то согласие, дающее карт-бланш на владение всей ее подноготной.

Оставалось собрать это все вместе, зафиксировать с юристами и заткнуть всем недовольным пасть, оставив их шуршать своими шапочками из фольги в недрах конспирологических форумов. Сил сопротивляться уже не было ни у кого. Правозащитные организации отклонялись и уехали туда же, куда парой лет ранее мигрировали прежние отечественные политики.

Так Партия Равенства решила еще одну проблему, залатала еще одну течь и половчее ухватила топор, прорубавший намеченное направление.

Это уже потом введут чипирование, отслеживание геолокации, камеры повсюду, системы распознавания лиц, полный отказ от наличных. Потом как явления исчезнут криминал с улиц, терроризм, эпидемии, кражи и теневой бизнес. Потом появится Бюро со своей Каиссой.

Каждому горожанину предстояло пройти свой путь, чтобы привыкнуть к тому, что нолик на дисплее страшнее тюремного срока. Или что жужжащие, почти игрушечные дроны легко унимают ярость от голода и нужды. Но прямо сейчас Партии Равенства предстояло решить несколько неотложных задач.

Матвей.

10 августа 2035, пятница

Говорят, что история иногда оправдывает принятые политические решения. Но нельзя было ждать историю, эту старуху, по лживости уступающую только статистике. Срочно нужно было создать такие СМИ, которые выполнили бы всю работу за нее. Которые со снайперской точностью расставили бы точки над «i» и которым люди верили бы как себе.

Так появилась Редакция. Открыли ее в Твери, чтобы придать налет «провинциальности», которой люди больше доверяли. Ее здание стояло в промышленной зоне. Раньше оно было ткацкой

фабрикой, но теперь это четырехэтажное кирпичное строение превратилось в бизнес-центр. Дизайнеры смогли обыграть его индустриальный вид и придать эстетику лофта. Внутреннее рабочее пространство с высоченными потолками, светлое, со стеклянными перегородками, книжными стеллажами, большими зеркалами и эргономичной мебелью ярких цветов удачно контрастировало с оставленными на виду металлическими несущими конструкциями и большими вентиляционными трубами.

Матвей работал в Редакции уже семь лет, с самого основания. Кажется, еще вчера он, робкий студент журфака, пришел на практику. И вот сейчас он шагал по роскошному холлу заместителем главного редактора.

Обычно Матвей заходил в Редакцию вальяжно — в свои двадцать пять он командовал целым полком журналистов, операторов, маркетологов, фотографов и еще бог знает кого. Выглядел он значительно старше своего возраста. В пшеничном топ-ноте¹ пробивалась седина, лоб казался огромным из-за выпадавших волос. Десятка два лишних килограммов добавляли еще немного возраста и толику солидности. Завершала образ длинная борода, тоже с проблесками седины. В остальном Матвей также старался немного накинуть себе: классический строгий костюм, крупные часы, запонки с брильянтиками, зажим для галстука, маниклип с наличными, от которых уже

---

¹ Топ-нот (*top knot*) — мужская прическа-«узел». Виски и затылок коротко стригутся, оставшиеся на верхней части головы длинные волосы забираются в хвост или пучок.

давно отказались. И громоздкие, страшно дорогие и не идущие ему очки. При стопроцентном зрении.

Кабинет Матвея был строг и предельно лаконичен — три кожаных кресла и огромный стол с пресс-папье и лампой. При этом стол всегда пустовал, потому что во время работы на нем ничего не было, кроме ноутбука и телефона. Всю стену за спиной занимал застекленный стеллаж, заполненный книгами Достоевского, Ницше, Канта, Юнга, Хемингуэя и другой классикой в толстых переплетах. Их Матвей, несмотря на журналистское образование, не читал. Любимые детективы хранились дома.

Также дома, подальше от глаз коллег, хранились и кислотные мультяшные футболки, стопки комиксов, радиоуправляемые машинки и фигурки супергероев. Своей по-детски неформальной натуры Матвей стеснялся и думал, что никто из окружающих не стал бы считаться с ним, если бы не маска большого серьезного дядьки. Может, и не культовой пока личности, но уже явно человека с претензией. По этой же причине замглавреда никогда не приглашал на корпоративы Настю. Помолвка с татуированной вокалисткой панк-группы на пользу имиджу не пошла бы.

Демонстративная солидность Матвея и строгость его кабинета хорошо сочетались с холлом и переговорными для встреч гостей, но сильно выделялись на фоне остальной Редакции. Она больше напоминала хипстерский коворкинг огромных размеров. Стояли гам и суета, трещали клавиатуры, пахло кофе. Дресс-кода не было. Сотрудники Редакции, которым не нужно было появляться в кадре или разговаривать с гостями, предпочитали носить удобную и яркую одежду

с оригинальными принтами. Каждый стремился подчеркнуть свою индивидуальность и отличаться от остальных. Но так как это делали все, то стили теквир или неряшливый субкультурный фэшн, казалось, превратились в униформу.

Сегодня же Матвей шмыгнул в дверь Редакции впопыхах. Ночной кошмар не шел из головы, тревожности добавило отсутствие Наблюдения на улице. Да и начинающаяся через пару минут встреча тет-а-тет с главным редактором подгоняла.

Вот главный редактор как раз соответствовал царящему вокруг духу бунтарства. Максим Леонидович Павлов, для коллег просто Макс, за глаза — Мэд Макс или, с уважением, Макмэн. На каждый день месяца у него была крутая цветастая футболка оверсайз и пара кроссовок — подлинный сникерхед¹, увешанный с ног до головы гаджетами. И неизменный клубный пиджак с вышитым на нагрудном кармане лого Редакции. Кабинет Макса напоминал магазинчик комиксов, набитый игрушками и всякими сувенирами, отсылавшими к поп-культуре и знакам времени.

Все бы ничего, вот только Максу было семьдесят восемь лет. Отлично сохранившийся, поджарый, с густой и хорошо покрашенной шевелюрой только от барбера. Его чересчур молодежный стиль смотрелся неожиданно органично и совсем не странно. Главред не молодился — он и правда всегда соответствовал эпохе.

---

¹ Сникерхед — представитель популярной субкультуры, связанной с коллекционированием кроссовок.

В его жаргоне был сленг нескольких поколений. Человек-китч, он мог прийти на важное собрание с инвесторами и политиками в маске Бэтмена. Или на потеху окружающим пранкануть какого-нибудь новичка раза в четыре младше. Но ни у кого и в мыслях не было навесить на Макса ярлык престарелого чудака. ореол акулы пера и делового человека, с нуля поднявшего критически важный для нового правительства голос медиапространства, окружал Максима Леонидовича и недвусмысленно давал понять, персоной какого уровня тот является.

Ему довелось побывать и редактором старых газет, и ведущим прежнего телевидения, видеоблоггером, инфлюенсером, а теперь вот и амбассадором бренда «Партия Равенства». Хайп, инфоповоды, сплетни и пиар были его стихией, в которой он жил уже полвека и знал о ней все. И ставку в работе Редакции делал не на журналистику и репортажи, а на тренды видеосообществ, лидеров мнений в соцсетях и многое другое. Он глубоко понимал клиповое мышление обывателей и манипулировал им из своего главредовского кресла.

А его подход... Однажды Партия запланировала законопроект, обязующий чипировать не только взрослых, но и детей. Чтобы с молодых ногтей призывали к Прозрачности. Но детишки — это же святое; вонь поднялась страшная. Тогда главред взял и отвез на дачу своего внука. И объявил его без вести пропавшим. Почти месяц все столбы в городе были оклеены его фотографиями, добровольцы прочесывали километры лесов круглыми сутками и уже сдались. Трагедия несусветная, главред утирал слезы на все камеры, которым это только было интересно. А потом «нашел» внука. Благо-

даря тому, что самолично его когда-то чипировал и наконец-то чип ожил и подал сигнал. Ну это Максим Леонидович, конечно, блогерам и журналистам сказал, на самом-то деле у его внука не было никакого чипа. Да и сам Макс не носил чип, у него был иммунитет от социального рейтинга и чипирования — Бюро имело вайт-лист элиты, которую нельзя отслеживать просто так. После этого и последовавшей информационной кампании горожане сами повели своих отпрысков зашивать чипы в руку. А законопроект, кстати, так и не появился.

Вот такой мэтр был у Матвея в начальниках. Под его руководством Редакция с самого начала реформ показывала людям светлую сторону новой политики: как видеонаблюдение и чипы помогают находить заблудившихся стариков в лесу. Как Каисса отслеживает сердечные приступы через датчики и присылает скорую одиноким людям. Как предотвращают теракты благодаря дронам. Как сократилось количество мелких хулиганств и правонарушений. Как классно живется добропорядочным гражданам с высоким рейтингом, какие у них низкие процентные ставки по кредитам. Как прозрачность цифрового рубля позволяет ловить за руку взяточников. Что ради личной безопасности и хороших условий жизни поступиться кусочком свобод — это, считай, взять по скидке.

Редакция включала в себя множество каналов, радиостанций, подкастов, сайтов, блогов на всех площадках, добивалась упоминаний от знаменитостей и даже пролезла в музыку и литературу. Имелся и иностранный сегмент, транслировавший те же идеи, но уже за рубежом, чтобы не считали, что в России варварская диктатура, как в Ки-

тае, а прочно связывали страну с либерализмом и расцветом информационных технологий. И работали над этим не сотни — тысячи людей под началом Максима Леонидовича. Их общий голос прорезался и смог так гаркнуть на всю страну, что даже молодежь начинала день с новостей. Действительность менялась так стремительно, что непозволительно было пропускать их мимо ушей.

Отдельным направлением работы Редакции была утилизация неудобных вопросов к власти. Откуда вообще появилась Партия и кто все эти люди? Если она возникла стихийно и в духе времени, то почему использовала технологии, которые оттачивались годами, со времен пандемийных «умных городов»? Кто спонсирует всю эту инфраструктуру? Отвечать на эти вопросы предстояло Матвею, потому что он со временем возглавил Отдел Утилизации Сплетен. И он исправно на них отвечал посредством блогерских расследований и инфоповодов.

Сейчас у главреда была очередная парочка заданий для своего сына — Матвей скрывал свое родство с Мэд Максом так же тщательно, как помолвку с Настей и комиксы под кроватью. Сыновней любви, да и вообще теплых чувств Карпов не питал. Лишь снисходительную признательность за высокую зарплату и безупречное развитие карьеры, обеспечиваемые главредом младшему из восьми детей.

Матвей пришел без опоздания, минута в минуту. Максим Леонидович сидел и заполнял какие-то бумажки.

— Привет. Мне бежать уже надо, так что можешь не садиться. Буду краток — к концу месяца мне

от тебя нужен репортаж с острова Бюро. И второе — развернутое эссе, посвященное свободе как понятию, для литературного журнала. Преподнесем как самиздат, у тебя же остался тот аккаунт, под которым ты всякую мишуру про сверхъестественное пишешь, да? Сколько там подписоты?

— Да, остался, веду. Почти тридцать тысяч.

— Отлично. Посыл эссе в том, как нам всем тут хорошо живется при Партии и какие мы все тут свободные. Осилишь, да?

— Осилю. А что писать надо?

— А ты вот сам как считаешь, ты свободный человек или нет?

— Ну... да, в целом. Ну типа работаю на любимой работе. Пишу вот рассказы свои в Сети, с читателями общаюсь.

— Не читал, извини, занят. Да и не мое это. Вообще, редакторы говорили, что неплохо у тебя там все. Говорю, давай за ниточки дерну и будешь издаваться, может, из тебя По новый выйдет али Лавкрафт, а?

— Не надо, спасибо.

— Так-так-так. Что там, значит, свобода для тебя — это заниматься чем-то любимым, да?

— Ну деньги вот есть, квартира нормальная, машина, в путешествия с Настюхой гоняем...

— Ты ж моя Мэри Сью! У тебя, как у всех в целом, менталитет. Такой, от идентификации себя, не от природы. Вроде если все хорошо, то и свободен. В глобальном смысле это не так, конечно, но для задания просто идеально! Сейчас все испытывают кризис самоидентификации, стремятся заклеиться ярлыками, и если ярлык приклеился — значит, свобода. Ферштейн?

— Ферштейн.

— Конечно, ферштейн. Смотри, наброшу мыслишку. Россия до сих пор пропитана коллективизмом, социализмом: брат-за-брата, что-люди-подумают — вот этим всем. И если ты на своем месте обретаешь роль для остальных, то вроде как и свободен. То есть самореализуется обыватель не через свободу как таковую, а через служение своей идентичности, коллективному. Да?

— Ну я понял: свести все к тому, что служение окружению выше служения себе. «Нужды большинства важнее нужд меньшинства... или одного»¹. Такая же подача должна быть?

— Да, как вариант пойдет. Но можно немного постараться и выдать что-то получше.

Матвей, как обычно, испытал неприятное чувство от общения с отцом. Как будто это эссе ему поручают писать только потому, что оно предназначено для обывателей и что Матвей идеальный автор, потому как сам махровый обыватель. И вообще, мало у заместителя главного редактора дел, чтобы сочинения сочинять, как школьник! Наверное, Макс опять включил отца и долгими путями хочет какой-то важный урок преподать. Раньше надо было, когда бросил Матвея с мамой, а сейчас это опять китч в духе престарелого хипана.

А вот репортаж про Бюро виделся перспективным: еще никто не заглядывал под подол отечественной реализации Большого Брата в виде Каиссы — искусственного интеллекта, обрабаты-

---

¹ Цитирует Спока из фильма «Звездный путь 2: Гнев Хана».

вающего в реальном времени зеттабайты¹ данных с чипов, видеокамер, дронов, турникетов, терминалов, банкоматов и всего-всего цифрового в стране. Каисса жила на озере данных² в огромном дата-центре на засекреченном острове.

Должно быть, даже мысли в голове Матвея сейчас попали в папку *C://секретный_остров/секретный_НИИ/секретный_дата-центр/.../каисса/россия/тверь/горожане/чипированные/матвей_максимович_карпов/голова/мозг/мысли/мысль-10-авг-2035-10:05:45*.

«Ну и ну, — заключила бы Каисса после обработки, — какое же дерьмо в голове у этого кожного мешка».

— Ладно, с эссе разберусь. А что с репортажем? — спросил Матвей. — Там же секретка везде, да и я ничего не знаю, что там Бюро делает.

— Да-да, в Бюро надо будет поехать. Я выбил тебе проводника, вундеркинда из Сколково, он Каиссу с самого начала создавал. Платон Девонский. Ему всего двадцать два, а голова как Государственная Дума, умнейший паренек, айкью не влазит в шкалу — он там в бюрошном институте чем-то заведует или что-то возглавляет. Платон будет курировать тебя, на следующей неделе

---

¹ Зеттабайт — единица измерения количества информации, эквивалентная миллиону миллионов гигабайт. Если взять смартфон с памятью 32 гигабайта, то это примерно 34,4 миллиарда смартфонов.

² Озеро данных (*англ. data lake*) — способ хранения большого объема данных произвольного формата в «сыром» виде из множества источников для любых целей. Отличается масштабируемостью, гибкостью и высокой производительностью.

заберет с собой на остров. Проведет, расскажет, покажет. От него — ни шагу.

— Что нужно транслировать в репортаже?

— Надо минимум две линии донести. Первое — что над Каиссой работают обычные, хотя и мозговитые ребята. И второе — какие крутые у нас технологии. Возьмешь с собой Лешку-фотографа, эфсбэшники сказали, что разрешат поснимать кусочек дата-центра, говорят, там очень атмосферно.

— Киберпанк, который мы заслужили.

— Не ерничай, да? Все-таки система, которая контролирует многое в нашей жизни. Ты первым журналистом будешь, который на остров ступит. Цени это, окей?

— Да ценю...

— Все тогда, будут вопросы — звони. У эйчаров подпишешь оставшиеся NDA¹, к середине недели тебя проверят на благонадежность. И назначим свидание с Платоном.

---

¹ NDA (*англ. non-disclosure agreement*) — соглашение о неразглашении данных.